T 39
961

Т39 361

Политико-Экономическая библіотека.

Ф(с)173
Б62

Анатолій Бижавитикъ.

Демократическая республика.

(Отъ самодержавія къ народовластію)

ИЗДАНІЕ
Книжн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ"
Кіевъ 1917.

1952 г.

Т 39 961

Политико-Экономическая библіотека.

Анатолій Бинавитинъ

910/173
Б, 62.

Демократическая республика.

(Отъ самодержавія къ народовластію).

1960 г.

А. О. Р. Книгохранилище Общ. № 1961
Инв. № 31465

13036 к

ИЗДАНІЕ
Книжн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ“
Кіевъ 1917 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
1455073

Стр.

I. Всякому овощу свое время . . . 3

II. Демократическая республика. . . 10

III. Въ чемъ же преимущества республиканскаго строя? 12

IV. Кто издаетъ законы въ демократической республикѣ? 21

V. Кто наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ въ демократической республикѣ? 25

VI. Какъ дѣйствуетъ судебная власть въ демократической республикѣ? 28

КІЕВЪ.
Печатня О. Б. Шамбана, Александровская № 38/8.
1917.

Демократическая республика?

I. Всякому овощу свое время.

Зародыши монархической власти.

Большинство государствъ Европы въ своей исторической жизни прошло черезъ монархическій строй. Только тѣ государства никогда не знали монархическаго образа правленія, которыя возникли уже въ ту пору, когда умъ человѣческій изобрѣлъ лучшія, болѣе совершенныя формы государственнаго устройства. Но въ глубокой древности всѣ человѣческія общества были организованы такъ, что во главѣ ихъ стояло одно какое-либо лицо. Маленькія племена, жившія войной, обычно подчинялись своему вождю, какъ военачальнику. Осѣдлые народы въ ту пору тоже вынуждены были жить подъ страхомъ набѣговъ воинственныхъ кочевниковъ, и имъ приходилось зорко слѣдить, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Надо было всегда быть наготовѣ: нежданно-негаданно могъ налетѣть сарацинъ или варягъ или половецъ, истребить скотъ, угнать лошадей, увесть въ плѣнъ тѣхъ, **кто** не успѣетъ спастись въ городъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ необходимъ былъ князь, ханъ или царь, конунгъ или король, какъ начальникъ дружины, готовой всегда проучить дерзкаго врага и отразить силу силой.

Жизненные интересы и взаимоотношенія были чрезвычайно нехитры въ ту пору. Вотъ почему тотъ же князь-военачальникъ могъ быть и судьей: какія тогда могли быть тяжбы и какъ онѣ рѣшались? Онъ же былъ и законодателемъ—да и то сказать: какіе тогда были законы? Руководились больше обычаемъ, чѣмъ писанымъ закономъ. За тысячу лѣтъ, напримѣръ, до Рождества Христова древніе греки были разсѣяны на множествѣ острововъ. На каждомъ ос-

тровкѣ было малочисленное населеніе, и во главѣ его мы всегда замѣчаемъ мѣстнаго царька. Обыкновенно это былъ и самый храбрый вождь на войнѣ, и самый мудрый членъ въ совѣтѣ и вообще многоопытный мужъ. Таковы были Одиссей, царь острова Итаки, сладкорѣчивый Несторъ, Ахиллесъ, царь мирмидонянъ. Много такихъ княжествъ было и на томъ полуостровѣ, гдѣ жили древніе греки. Намъ извѣстны князьки Агамемнонъ, Менелай и др.

И на томъ полуостровѣ, гдѣ теперь расположена Италія, много было маленькихъ народцевъ съ своими князьями: вольски, этруски, латиняне. Такимъ же царемъ былъ и основатель города Рима-Ромулъ и его преемники. И у насъ на Руси въ древности было нѣчто подобное. Небольшія племена со своими князьями вели войны, оборонялись отъ набѣговъ хазаръ, половцевъ, печенѣговъ и др.

Эти князья мало чѣмъ стѣсняли свободу своихъ подданныхъ. Во время войны они, конечно, были грозными повелителями, такъ какъ безъ дисциплины не бываетъ порядка въ дружинѣ—не бываетъ, слѣдовательно, и побѣды. Но во всѣ нехитрыя дѣла внутренія, во всѣ вопросы мѣстнаго самоуправленія они врядъ-ли вмѣшивались: лишь бы имъ аккуратно выплачивались подати—было бы на что пиры задавать, а до остального имъ и горя мало.

Рядомъ съ властью князей уживались и народныя собранія (вѣча въ древней Руси), имѣвшія большую власть въ то время.

Извѣстно, напримѣръ, что вѣче не разъ изгоняло одного князя и приглашало на его мѣсто другого.

Такъ не разъ поступало и Кіевское вѣче, такъ поступало еще чаще вѣче Новгородское и Псковское и др Такимъ образомъ, древній образъ правленія представлялъ собою монархію въ зародышѣ. Тутъ единоличное правленіе мирилось съ властью народа; тутъ была монархія, но не было самодержавія.

Усиленіе монархической власти.

Поколѣнія смѣнялись поколѣніями, княжества росли и крѣпли, жизненныя отношенія становились все сложнѣе и сложнѣе, и дѣло стало принимать такой оборотъ, что самъ народъ всюду содѣйствовалъ усиленію княжеской власти. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ стала исчезать опасность отъ внѣшнихъ враговъ, князья стали заводить споры между собою: могущество однихъ безпокоило другихъ, зависть, старые счеты, месть,—все это служило поводомъ для однихъ къ нападенію на другихъ. И рати, закаленныя въ бояхъ противъ кочевниковъ и степныхъ разбойниковъ, начали нападать на предѣлы сосѣдняго князя, разоряя и опустошая земли, грабя жителей, распространяя страхъ и ужасъ. И не стало житья народу на своей землѣ отъ своихъ же князей. Извѣстное дѣло—панъ съ паномъ бьется, а мужику чубъ болитъ.

Народъ жался поближе другъ къ другу, ища заступничества въ городахъ, монастыряхъ, обращаясь за помощью къ главамъ церкви. Но что могла помочь церковь? Она запрещала междоусобныя войны въ опредѣленные дни недѣли, она всячески мирила ссорившихся князей и рыцарей. Но все было напрасно!

И когда среди всѣхъ этихъ междоусобій являлся князь съ твердой волей, смѣлыми дѣйствіями и могучей силой, который тѣми или иными путями держалъ въ повиновеніи другихъ князей,—то такому князю обезпечено было самое полное содѣйствіе со стороны всего населенія, даже со стороны тѣхъ которые находились въ подчиненіи у враговъ его. Города, которые стали уже разростаться и входить въ силу, всегда поддерживали такого энергичнаго князя деньгами и всякими средствами: пусть онъ не всегда дѣйствовалъ честно по отношенію къ болѣе слабымъ князьямъ,—это было всѣмъ безразлично. Цѣнно было въ немъ то, что при немъ можно было до нѣкоторой степени наслаждаться миромъ и относительной безопастностью.

И у насъ на Руси мы знаемъ, какой любовью окруженъ былъ смѣлый и энергичный Владимиръ Мономахъ, съ какими надеждами встрѣчались князья, извѣстные рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, при вступленіи ихъ на великокняжескій престолъ. И народъ, не разсуждая, всячески поддерживалъ такого собирателя земли русской, какъ Іоанна Калиту, безъ печали разставался со старинными своими вольностями и шелъ навстрѣчу сильной власти. Только Новгородская земля, отдѣленная отъ остальной Руси топкими болотами, недосягаемая ни для степныхъ кочевниковъ ни для крамолы княжеской, долго и цѣпко держалась за старинныя свои вольности и боролась съ московскими поработителями.

Отдѣленіе монархической власти отъ народа.

Значитъ, было время, когда единоличная власть нужна была народу. Было время, когда народъ привѣтствовалъ сильную власть и помогъ ей родиться и окрѣпнуть. Окрѣпнуть на его же голову! Окрѣпшая власть скоро забыла, откуда она почерпала свои силы, для чего она возникла. Она забыла, что вызвана она къ жизни народомъ для защиты отъ враговъ внѣшнихъ и угнетателей внутреннихъ. Жажда власти ослѣпила глаза и разумъ единоличныхъ государей. Они начали предаваться роскоши, пирамъ и забавамъ, стали обзаводиться пышными дворцами и жить въ свое удовольствіе. А народъ? Народъ имъ нуженъ былъ постольку, поскольку онъ доставлялъ средства къ роскоши, а до его нуждъ имъ мало было дѣла.

Прошло то время, когда къ княжескому дворцу приходилъ запросто всякій, кого надобность приводила, жаловаться на обидчика. Теперь судъ творили воеводы, которые кормились всяческими поборами отъ народа, брали взятки и грабили открыто. Не собиралъ больше князь своей дружины, чтобы судить и рядить по старинному. Теперь законы писались завѣдомыми взяточниками дьяками да подъячими; они же и толко-

вали законы, конечно, въ пользу того, кто больше давалъ; они же слѣдили и за исполненіемъ законовъ. «До царя далеко, до Бога высоко»—говорилъ тогда народъ, не надѣясь найти правды и въ царскихъ хоромахъ.

Только при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, когда уже совсѣмъ приходилось круто, созывали цари „Земскій соборъ“ изъ лучшихъ людей для обсужденія важныхъ мѣръ государственнаго управленія.

Конституціонныя монархіи.

Хотя бремя монархической власти становилось все тяжелѣй, хотя власть эта все туже и туже стягивала горло, не давая возможности дышать, народъ долго еще жилъ въ слѣпотѣ, не замѣчая, что существованіе этой власти не оправдывается болѣе необходимостью, не замѣчая, что его обманываютъ, продаютъ и нагло обираютъ. Народная мысль всегда шевелится медленно, съ большимъ трудомъ. Особенно боится нарсдъ стряхнуть съ себя иго, къ которому онъ уже привыкъ; какъ бы потомъ не было хуже. И тогда, когда уже и слѣпому ясно, что старый укладъ жизни ничего, кромѣ страданій, не приноситъ, среди народа долго еще держатся старые, унаслѣдованные вѣками взгляды. Взять хотя бы для примѣра освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Казалось, что могло быть яснѣе того, что крѣпостное состояніе позорно и унизительно. А между тѣмъ разсказываютъ люди, что въ день, когда полученъ былъ указъ о свободѣ, нашлись и такіе крестьяне, которые плакали горькими слезами: „какъ же жить-то будемъ безъ помѣщиковъ? Вѣдь они же наши кормильцы, наши отцы! И какъ же мы теперь безъ нихъ будемъ?“

То же произошло и съ окрѣпшей монархической властью, превратившейся въ самодержавіе. Лучшіе люди давно уже замѣчали, что оно не приноситъ болѣе пользы народу, а только вредъ, что не о народныхъ интересахъ печется самодержавіе, а о своихъ собственныхъ выгодахъ. Монархи—самодержцы не мог-

ли вѣдь лично вникать въ дѣла своей обширной монархіи. Они окружали себя чиновниками, которые должны были управлять народомъ, издавать законы, отправлять правосудіе. Чиновники заботились больше о своихъ карманахъ, чѣмъ о народѣ, затыкали обиженнымъ глотки, чтобы тѣ не могли жаловаться, затрудняли доступъ къ монарху, и не было надъ ними никакой управы.

Все это видѣли лучшіе люди, и они звали народъ къ энергичному отпору, къ борьбѣ за свои права! Они боролись за ограниченіе царскаго самодержавія, за установленіе надъ нимъ контроля изъ избранниковъ народныхъ. Ихъ мысль совсѣмъ не была чѣмъ-то поразительно новымъ: споконъ вѣковъ народу принадлежала верховная власть рѣшать свои дѣла по своему. Гласъ нарсда—гласъ Божій! говоритъ старинная поговорка. И если народъ на время не настаивалъ на своихъ правахъ и предоставлялъ князю всю полноту власти—то это было только **на время** и съ опредѣленной цѣлью. И первое время еще жива была память о правахъ народа въ сознаніи русскихъ царей: они сами созывали выборныхъ отъ народа на Земскіе Соборы для рѣшенія государственныхъ дѣлъ. Особенно много было такихъ соборовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Но вскорѣ цари, опьяненные все усиливавшейся властью, о правахъ народа и позабыли. Не забылъ однако о нихъ самъ народъ!

Даже при всесильномъ самодержцѣ Петрѣ Великомъ писатель изъ народа Посошковъ проводилъ мысль о необходимости „народосовѣтія“ въ управленіи государствомъ. Съ тѣхъ поръ при всѣхъ царствованіяхъ не глохнетъ борьба за ограниченіе царской власти учрежденіемъ контроля изъ избранниковъ народныхъ. Много страданій принято было людьми за эту идею, много борцовъ погибло, смѣло и гордо отстаивавшихъ права народа, много крови пролито. Не здѣсь мѣсто и не теперь время повѣдать печальныя

повѣсти о морѣ слезъ и крови, въ которомъ задохлись безстрашные страдальцы. Такъ или иначе, но и у насъ въ концѣ концовъ побѣдила мысль о необходимости ограничить произволъ царскихъ приспѣшниковъ установленіемъ наблюденія надъ ними со стороны лицъ, избранныхъ народомъ.

Манифестомъ 17 октября 1905 года царемъ было всенародно объявлено, что „смута и волненіе въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи“ преисполнили „великой и тяжелой скорбью“ царское сердце, и онъ рѣшилъ „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выбраннымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій власти“.

Режимъ самодержавія палъ. Въ томъ же манифестѣ, какъ всѣмъ памятно, возвѣщены были русскому народу и всѣ свободы и вся полнота конституціонныхъ формъ. И всѣ эти обѣщанія, какъ всѣмъ не менѣе памятно,—оказались безчестнымъ обманомъ.

Какъ бы то ни было, но самодержавіе перестало существовать. Еще боялись это признать, еще боялись выпустить изъ рукъ остатки безконтрольной, неограниченной власти, но дѣло вѣдь не въ словахъ, а въ фактѣ. Фактъ же былъ тотъ, что никакой законъ не могъ воспріять силы безъ одобренія Государственной Думы, что самодержавная власть вынуждена была допустить надъ собой контроль народа и подчиниться какой бы то ни было конституціи, если не формальнно то фактически

Всякому овощу свое время!—говоритъ пословица. Отсутствіе сильной власти, умѣстное для князей дружинниковъ, стало невыносимо въ эпоху княжескихъ междоусобій. Сильная власть, нужная для борьбы съ усобицами, выродилась въ безконтрольное, деспотическое самодержавіе, угнетавшее народъ. Путемъ долгой борьбы добыта была видимость конституціи, но

послѣ 12 лѣтъ существованія она оказалась недостаточной. Нынѣ обстоятельства властно диктуютъ для русскаго народа необходимость новой формы правленія—**демократической распублики**. Чѣмъ же характеризуется новая форма правленія? Отвѣтъ на это мы найдемъ въ слѣдующей главѣ.

II. Демократическая республика

Не только у насъ на Руси въ такомъ порядкѣ развивалась государственная жизнь. Вездѣ и повсюду, раньше или позже, народъ сталъ стремиться къ ограниченію самодержавной власти неограниченной монархіи. Долгое время еще только Россія и Турція оставались единственными странами съ самодержавнымъ монархическимъ режимомъ. Но скоро и здѣсь режимъ сдался и палъ подъ ударами народныхъ требованій или подъ напоромъ революціонныхъ массъ.

На смѣну самодержавію пришла конституціонная монархія, ограниченная народнымъ представительствомъ, облеченнымъ законодательной властью. Но на этомъ дѣло не кончается. Народъ не ограничивается такой скромной ролью въ управленіи государственными дѣлами. Пробьетъ часъ—и онъ заявитъ новыя требованія о нераздѣльномъ и полновластномъ народоправствѣ! Когда онъ созрѣетъ для политической жизни,—а разъ онъ добился участія въ государственныхъ дѣлахъ черезъ народное представительство, онъ учится въ этой школѣ политической мудрости и быстро пріобрѣтаетъ необходимый политическій опытъ,—онъ такъ или иначе добьется возможности самостоятельно рѣшать свои дѣла и вырабатывать формы правленія. Тогда и пробьетъ для него часъ зрѣлости, и онъ создастъ для себя демократическую республику.

Значитъ, демократическая республика это предѣлъ всѣхъ политическихъ мечтаній? Да, именно такъ! Дальше идти уже некуда, а всѣ остальныя формы правленія служатъ только переходной ступенью къ демокра-

тической республикѣ! А дальше что? Дальше народъ при помощи этого прекраснаго аппарата государственной власти начинаетъ систематическую, планомѣрную борьбу за достиженіе экономическихъ цѣлей! Но объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить!

Что же собственно означаетъ демократическая республика и въ чемъ ея преимущества? Демократическая республика это такая форма правленія, при которой **народъ самъ** издаетъ законы черезъ своихъ представителей, правильно избранныхъ, **самъ** слѣдитъ за ихъ исполненіемъ, поручая наблюденіе за этимъ такимъ лицамъ, которымъ онъ довѣряетъ, **самъ** судитъ беззаконія черезъ выбранныхъ имъ лицъ. При этой высшей формѣ народовластія нѣтъ иной власти, кромѣ народа, и всякая иная власть только изъ этого источника и можетъ проистекать.

Французскіе революціонеры въ конституціи 3-го сентября 1791 года, „считая единственными причинами народныхъ бѣдствій и развращенности правительствъ незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка, рѣшили изложить естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка въ торжественной декларацiи“.*) Въ 3 пунктѣ этой знаменитой „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“ говорится:

„Принципъ всякой верховной власти принадлежитъ націи. Ни одна коллегія, ни одно лицо не могутъ отправлять власти, не исходящей непосредственно отъ націи“.

Въ конституціонномъ актѣ о Республикѣ въ гл. III п. 18 говорится: „Всякая власть въ государствѣ, въ чемъ бы она ни выражалась, исходитъ отъ народа. Она не можетъ поручаться кому-либо съ правомъ передавать ее по наслѣдству“. Далѣе, въ пунктѣ 19-мъ читаемъ: „Раздѣленіе власти—это первое условіе свободнаго правительства“. Смыслъ этого послѣдняго предложенія мы поймемъ впослѣдствіи.

*) „Законодательные акты Франціи“; цитируемъ по переводу Лемберка

III. Въ чемъ же преимущества республиканскаго строя.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно вынести только изъ сравненія всѣхъ трехъ перечисленныхъ способовъ правленія: монархическаго, конституціоннаго и республиканскаго.

Неограниченная монархія.

При монархическомъ режимѣ царитъ въ полномъ смыслѣ слова произволъ. Власть не проявляетъ никакихъ заботъ о развитіи народнаго сознанія, о насажденіи просвѣтительныхъ и культурныхъ учрежденій, а заботится только объ одномъ—о сохраненіи своихъ позицій, а для этого нужно какъ разъ обратное. Нужно, чтобы народъ тонулъ во тьмѣ и невѣжествѣ, чтобы онъ былъ забитъ и приниженъ, чтобы онъ былъ разъединенъ, грубъ и дикъ. Кто не знаетъ, какъ наше правительство спаивало народъ, разъединяло его, не давая организоваться, сѣяло вражду и ненависть между націями, какъ ставились препятствія для открытія въ деревнѣ школъ, библіотекъ, вечернихъ курсовъ. Кто не знаетъ, что союзы не разрѣшались, общества преслѣдовались, профессіональныя организаціи закрывались и подвергались гоненіямъ? Собранія внушали страхъ агентамъ старой власти: какъ бы не раздалось на нихъ свободнаго слова, смѣлаго призыва! На газеты сыпались бичи и скорпіоны; каждый намекъ на свободное слово влекъ за собою ужасныя кары. Въ каждой строчкѣ искали намека на разоблаченіе, распространеніе вредныхъ слуховъ о дѣятельности правительства. О свободѣ стачекъ и говорить не приходится!

Между тѣмъ это не случайныя явленія для самодержавнаго режима, а неизбѣжные его спутники: пусть откроется хоть одна отдушина для народа, и въ нее хлынетъ такая волна негодованія, которая смететъ до основанія все зданіе самодержавія!

Монархъ стоитъ только на стражѣ цѣлости и сохранности своей власти. Отвѣтственности же передъ народомъ онъ не чувствуетъ никакой. Когда Николаю I доложили о томъ, что нѣкоторыя обстоятельства вызываютъ недовольство въ обществѣ, онъ удивленно спросилъ: „Общество? Какое же ему до этого дѣло?“ Такого же чувства отвѣтственности лишены и его чиновники; они отвѣчаютъ только передъ государемъ, а его обмануть нетрудно! Не можетъ же онъ лично во все вникать!

Конституціонная монархія.

Въ конституціонной монархіи власть дѣлится между народомъ и монархомъ. При правильной постановкѣ выборовъ народное представительство болѣе или менѣе правдиво отражаетъ существующія въ народѣ теченія. Оно имѣетъ возможность заявлять о народныхъ нуждахъ и предлагать мѣры, нужныя народу. Но, чтобы предупредить и подавить въ зародышѣ попытки дѣйствительныхъ реформъ по иниціативѣ народнаго представительства, надъ нимъ посадили въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ верхнюю палату—палату господъ, палату лордовъ (у насъ въ Россіи—Государственный Совѣтъ). Это—собраніе лицъ, или избранныхъ высшими, богатыми классами, или назначенныхъ главой государства изъ старыхъ администраторовъ, аристократовъ или выслужившихся чиновниковъ. У насъ въ Россіи уже вошло въ поговорку, что въ Государственный Совѣтъ „сдавалось“ все то, что отжило свой вѣкъ и потеряло уже годность въ бюрократическомъ механизмѣ. Всѣ эти аристократы, лорды и отставныя негодности призваны тормозить всякую смѣлую попытку со стороны народнаго представительства. А надъ обѣими палатами стоитъ властолюбивый монархъ, готовый отвергнуть все то, что уже проскочитъ черезъ заповѣдныя двери палаты господъ.

Трудно, невозможно при такихъ условіяхъ проводить реформы, дѣйствительно нужныя народу. И

страдаютъ отъ этого больше всего интересы бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Богатые какъ-нибудь столкуются съ властью, поладятъ со своими же товарищами и проведутъ мѣры имъ нужныя. А у бѣдныхъ защитника тутъ не найдется! Противъ него и верхняя палата и монархъ заключили крѣпкій союзъ.

Если прибавить ко всему этому еще право монарха распускать народное представительство, когда ему вздумается, если припомнить, что во время роспуска законодательнаго собранія монархи обыкновенно получаютъ право проводить неотложныя мѣры въ чрезвычайномъ порядкѣ (у насъ это дѣлается въ силу пресловутой 87 статьи),—то придется заключить, что права народа въ подобной конституціонной монархіи не болѣе и не менѣе, какъ безтѣлесный призракъ, тѣнь.

Народу принадлежитъ третья часть участія въ государственномъ строительствѣ, считая доли участія верхней палаты и государя. И народъ въ дѣйствительности совершенно безсиленъ!

Однако, сравнительно съ самодержавной монархіей конституціонный строй представляетъ собою шагъ впередъ,—и вотъ почему! Въ парламентѣ борцы за народное дѣло получаютъ огромную всенародную трибуну, съ высоты которой они на всю страну вліяютъ своими рѣчами, открываютъ глаза народу на истинное положеніе вещей, указываютъ ему наглядно, кто истинный виновникъ его горькой доли. Парламентъ является прекраснымъ агитаціоннымъ средствомъ для того, чтобы организовать массы. Такъ и поняли свою роль представители пролетаріата, когда они шли въ Думу. Не потому они выставляли свою кандидатуру на выборахъ, что надѣялись добиться черезъ Думу справедливыхъ законовъ и облегченій для рабочаго класса. Развѣ не ясно было, что Дума, избранная на основаніи избирательнаго закона, выработаннаго царскими наемниками, поставленная къ тому-же подъ контроль аристократовъ изъ Государ-

ственнаго Совѣта, ничего не въ состояніи будетъ сдѣлать для народа? Но использовать ея трибуну, чтобы призывать всю Россію къ борьбѣ со старымъ строемъ—это можно было и нужно было!

Парламентарныя монархіи.

Значитъ, конституціонная монархія обычно не даетъ народу возможности самостоятельно строить свою жизнь. Тутъ надъ народомъ есть надзоръ, опека, контроль. Надо однако отмѣтить, что во многихъ государствахъ Западной Европы эта форма правленія до того уже приблизилась къ демократическому строю, что король является монархомъ только по имени. Никакихъ правъ онъ не имѣетъ: до того онъ обезвреженъ. Такъ, напримѣръ, обстоитъ дѣло въ Англіи. Тамъ давно сложилась поговорка: король царствуетъ, но не управляетъ! Онъ ни одного шагу не сдѣлаетъ безъ „совѣта“ перваго министра. Его роль сводится только къ тому, чтобы принимать и вести сношенія съ послами иностранныхъ державъ. И то, онъ всегда только служитъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правящей въ данный моментъ парламентской партіи и покорно передаетъ ея велѣнія. Онъ подписываетъ всякіе указы о назначеніяхъ на должности, раздаетъ титулы, званія, жалуетъ дворянство, право пожизненно засѣдать въ палатѣ лордовъ. Его указами далѣе объявляется война и заключается миръ. Но его указы отъ слова до слова продиктованы ему первымъ министромъ. Все огромное колесо государственной жизни вертится по своимъ внутреннимъ законамъ, помимо королевской власти, между тѣмъ какъ король только ставитъ штемпель, гдѣ ему прикажутъ.

Въ тѣ моменты, когда кабинетъ министровъ вынужденъ подать въ отставку въ виду выраженнаго ему парламентомъ недовѣрія или въ виду отклоненія парламентомъ предложенныхъ имъ законопроектовъ, король обращается къ тому изъ членовъ парламента, который пользуется тамъ въ данное время наибольшимъ вліяніемъ и который можетъ поэтому разсчиты-

вать на поддержку большинства, съ предложеніемъ составить министерство. Дальше этотъ приглашенный первый министръ самъ набираетъ себѣ товарищей, самъ раздаетъ имъ министерскіе портфели и является къ королю только съ текстомъ указа о назначеніи новыхъ министровъ. Король послушно подписываетъ этотъ указъ. Конечно, онъ можетъ сказать и свое мнѣніе о томъ или другомъ кандидатѣ въ министры, но никто не обязанъ руководиться его мнѣніемъ. Начиная съ этого момента, король вступаетъ уже подъ начало къ новому первому министру, подписывая все по его „совѣту“ и предложенію.

Хорошо придумано—не правда-ли?

Надо быть англичанами, чтобы такъ обуздать и обезвредить своего монарха. Не такъ гладко, но все же благополучно обстоитъ дѣло съ монархами въ другихъ государствахъ съ конституціоннымъ строемъ: въ Италіи, Бельгіи, Греціи, Голландіи и др.

Такія государства въ сущности являются республиками съ маленькими остатками прежняго образа правленія въ лицѣ безсильныхъ и безвредныхъ монарховъ. Въ этихъ государствахъ министры не могутъ сослаться на волю монарха въ оправданіе той или иной нецѣлесообразной мѣры; на него нечего валить свою вину. Всякій знаетъ, что онъ только по имени монархъ, а власти у него никакой нѣтъ. Если бы въ одно прекрасное утро—сказалъ какой-то изслѣдователь—Англія проснулась безъ короля, то этого никто и не замѣтилъ бы. Это до нѣкоторой степени вѣрно и для другихъ подобныхъ государствъ съ конституціоннымъ строемъ, гдѣ власть парламента сильнѣе власти монарха.

Зачѣмъ же тогда существуетъ такой безголосый король, монархъ только по имени?

Собственно, ни за чѣмъ! Народы цѣпко держатся за всѣ старинные обычаи и боятся уничтожить тѣ учрежденія, которыя давно потеряли свой смыслъ и все свое значеніе. Будетъ время и, можетъ быть, не за

гоарми оно, когда всѣ эти государства открыто объявятъ себя республиками. Въ самомъ дѣлѣ, въ государствѣ, гдѣ всякая должность выборная, гдѣ всякая власть имѣетъ единый источникъ свой въ видѣ народной воли,—въ этой странѣ, какъ нѣкое наслѣдіе сѣдой старины, существуетъ призракъ власти, унаслѣдованный отъ далекихъ предковъ, власти, которая имѣетъ перейти по наслѣдству къ потомкамъ, не имѣя на то согласія народа! Уже тѣмъ однимъ, что это учрежденіе не приноситъ пользы, тѣмъ однимъ оно вредно!

Тѣмъ болѣе, что нѣтъ—нѣтъ, а все же порой по старой памяти монархическая власть вонзитъ свои зубы въ тѣло народовластія, правда, ко вреду для себя же. Такъ было дѣло недавно въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ король наложилъ запрещеніе на одинъ законъ вопреки ясно выраженной волѣ обоихъ парламентовъ. Дѣло, конечно, окончилось торжествомъ воли народа, какъ и должно было быть. Только побороться пришлось!

Къ тому же, содержаніе такого монарха—это излишняя роскошь, которую могутъ себѣ позволить только богатыя страны. Въ Англіи содержаніе короля и членовъ его семьи обходится народу около семи милліоновъ рублей въ годъ. Дороговато для насъ при нашей бѣдности!

Республиканскій строй.

При республиканскомъ строѣ всѣ эти пережитки старины, сыгравшіе уже свою роль, похоронены народомъ съ достойной ихъ званію пышностью, но похоронены на вѣкъ. Тамъ никто не можетъ ставить рогатокъ правамъ народа и его власти. Всякая власть проистекаетъ изъ воли народа—и нѣтъ никакой иной власти, кромѣ народной.

Глава правительства выбирается народомъ или его представителями на опредѣленный срокъ. Ему платится жалованье по силамъ и состоянію государственной казны: во Франціи президентъ республики получаетъ около 240.000 рублей жалованья въ годъ и столько же на разные расходы. Президентъ Соединенныхъ

Штатовъ въ Америкѣ получаетъ всего 100.000 рублей въ годъ. А вотъ въ Швейцаріи президентъ получаетъ что-то около 6.500 рублей въ годъ.

Дѣло, конечно, не въ жалованьѣ, а въ томъ, что глава правительства, избранный на тотъ или иной срокъ—гдѣ на три года, гдѣ на четыре и даже на семь лѣтъ—чувствуетъ себя не властелиномъ, а первымъ слугой народа. Онъ чувствуетъ, что по истеченіи своего срока онъ вновь предстанетъ передъ своими избирателями въ одеждѣ простого гражданина и, если онъ плохо дѣлалъ свое дѣло, онъ будетъ встрѣченъ согражданами съ презрѣніемъ и насмѣшкой. Въ виду этого онъ ревностно относится къ своему дѣлу и за страхъ и за совѣсть.

Наконецъ, выборный призидентъ даже и до истеченія срока можетъ въ случаѣ какихъ-нибудь сомнительныхъ поступковъ быть лишеннымъ своего высокаго званія. Можно его даже предать суду. Такъ, напримѣръ, когда во Франціи состоялъ президентомъ вторично избранный на эту должность Греви, обнаружилось, что зять его велъ торговлю орденами, пользуясь своей близостью ко двору. Вскорѣ понадобилось смѣнить министерство, но ни одинъ изъ приглашенныхъ президентомъ депутатовъ парламента не захотѣлъ принять изъ его рукъ постъ премьеръ-министра. Президентъ счелъ свое положеніе окончательно пошатнувшимся и отказался отъ званія президента.

Однимъ словомъ, при республиканскомъ строѣ нѣтъ надъ народомъ иного господина, кромѣ избранныхъ имъ же лицъ, которымъ онъ подчиняется не изъ страха наказанія, а въ силу сознанія, что ихъ распоряженія законны, полезны и необходимы. Народъ имѣетъ возможность пользоваться государственной машиной не во вредъ себѣ, а на пользу. И дѣйствительно, вездѣ въ республиканскихъ странахъ народъ культурнѣе, развитѣе, образованнѣе. Повсюду введено обязательное всеобщее обученіе и притомъ въ нѣкоторыхъ странахъ даже безплатное. По всей

странѣ обыкновенно раскинута огромная сѣть среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, для крестьянъ имѣется масса сельскохозяйственныхъ училищъ, для рабочихъ сколько угодно вечернихъ курсовъ по всѣмъ предметамъ, воскресныхъ школъ, спеціальныхъ и техническихъ училищъ.

Благодаря полной свободѣ союзовъ, свободѣ стачекъ, рабочіе добиваются улучшенія своего положенія, повышенія заработной платы, сокращенія рабочаго дня. У насъ рабочій возвращается съ работы такъ поздно домой и притомъ до того разбитымъ и усталымъ, что только и хватаетъ силы выхлебать что Богъ послалъ да завалиться на всю ночь—расправить уставшіе члены. А въ праздникъ иной напьется до потери сознанія, чтобы заглушить тоску: ни развлеченія благородныя, ни интересы общественные ему недоступны. А въ республиканскихъ странахъ рабочій не обойдется безъ своего клуба, куда онъ идетъ послѣ работы, чтобы людей посмотрѣть и себя показать, чтобы поболтать съ друзьями, обсудить политическіе вопросы, послушать музыку да и книги или газеты почитать.

Нѣтъ того человѣка, который въ республиканскихъ странахъ не чувствовалъ бы себя человѣкомъ—гражданиномъ, которому близки интересы общежитія, дѣла всей націи. Доступность участія въ государственныхъ дѣлахъ для каждаго гражданина подымаетъ его значеніе и въ чужихъ и въ собственныхъ глазахъ. Во всякомъ случаѣ, въ глаза бросается то, что въ республиканскихъ странахъ нѣтъ массовой нищеты: у каждаго есть достатокъ. Было бы только желаніе трудиться и работать—и не пропадешь въ такихъ странахъ, а, наоборотъ, скоро и легко въ люди выйдешь.

— Да полно,—скажутъ иные недовѣрчивые люди,—будто уже въ самомъ дѣлѣ всѣ такъ счастливо живутъ въ республиканскихъ странахъ! Развѣ тамъ богатый не господствуетъ надъ бѣднымъ? Развѣ тамъ

уже въ самомъ дѣлѣ волки и овцы ходятъ обнявшись да другъ дружкѣ сладкія рѣчи говорятъ? Что-то не вѣрится!

О, нѣтъ, конечно, нѣтъ! Тамъ, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было происходитъ ожесточенная борьба между угнетателями и угнетаемыми, между состоятельными и неимущими. И именно это вовсе не порокъ, а наоборотъ, одно изъ главныхъ достоинствъ республиканскаго строя! Зато тамъ борьба происходитъ открытая, явная; низшіе классы организуются свободно, обсуждаютъ свои дѣла громко и строятъ грозныя рати, которыя рано или поздно побѣдятъ, должны побѣдить! Къ ихъ услугамъ и свои школы, и свои газеты, и свобода союзовъ, и даже свобода стачекъ. Грудь съ грудью сошлись враги, столкнулись, а кто побѣдитъ?—это уже зависитъ отъ того, кто въ данную минуту сильнѣе.

Между тѣмъ при иныхъ режимахъ происходитъ не то: народъ сознательно держатъ въ невѣжествѣ, въ слѣпотѣ, чтобы онъ и не понималъ всей низости его положенія; у него изъ рукъ вырываютъ книгу, гонятъ изъ школы, разгоняютъ, если вздумаетъ соединиться въ какой-либо союзъ. Рабочимъ тамъ затыкаютъ глотку, чтобъ и пикнуть не смѣлъ! Въ полномъ смыслѣ слова—бьютъ и плакать не даютъ! Монархія всегда поможетъ скорѣе врагу рабочаго народа, чѣмъ самимъ рабочимъ. Это ясно уже потому, что слуги монархической власти чрезвычайно жадны до денегъ и податливы на взятки и подкупы, а рабочій классъ, какъ всякій понимаетъ, не угонится за богатыми въ дѣлѣ подкупа власти.

Въ республиканскихъ странахъ тоже идетъ борьба между классами, но тамъ она развивается, какъ свободная игра силъ, а въ монархическихъ всѣ силы страны держатъ низшіе классы въ цѣпяхъ рабства и не даютъ голову поднять.

IV Кто издаетъ законы въ демократической республикѣ?

При самодержавномъ строѣ законы издаетъ самъ монархъ. Разумѣется, онъ не можетъ знать, какія мѣры дѣйствительно нужны, такъ какъ онъ чрезвычайно далеко отстоитъ отъ дѣйствительной жизни, отъ народа и его потребностей. При нашихъ государяхъ со времени императора Александра I состоялъ Государственный Совѣтъ изъ назначенныхъ лицъ, который обсуждалъ вносившіеся въ него законопроекты; но рѣшенія Совѣта не имѣли почти никакой силы,—такъ какъ государь могъ согласиться съ мнѣніемъ большинства, могъ стать на точку зрѣнія меньшинства, могъ и положить резолюцію, не согласную ни съ мнѣніемъ большинства, ни съ мнѣніемъ меньшинства. При конституціонномъ режимѣ народъ получаетъ ту или иную долю участія въ законодательствѣ, но это участіе обыкновенно парализуется поставленной надъ законодательнымъ собраніемъ верхней палатой и правомъ монарха пріостановить или отказать въ утвержденіи закону, принятому обѣими палатами.

Въ демократической республикѣ обыкновенно законъ проходитъ черезъ тѣ же три инстанціи: собраніе народныхъ представителей, верхнюю палату и главу государства въ лицѣ президента. Но, во первыхъ, всѣ эти три инстанціи являются учрежденіями рожденными исключительно волей народа. Такъ, нижняя палата избирается всѣми гражданами (пока только въ немногихъ демократическихъ государствахъ къ выборамъ привлекаются и женщины, а именно: въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки и нѣкоторыхъ республикахъ Австраліи; но истинно демократическое государство должно исправить вѣковую вину мужской половины человѣческаго рода передъ женщинами), достигшими совершеннолѣтія безъ различія національности, религіи, имущественнаго состоянія, рода служ-

бы, продолжительности проживанія въ томъ или иномъ мѣстѣ. При этомъ народъ не избираетъ только посредниковъ или выборщиковъ, а прямо и непосредственно избираетъ лицъ, которымъ онъ довѣряетъ защиту своихъ интересовъ въ парламентѣ. Не дѣлается при выборахъ также различія между богатымъ и бѣднымъ, грамотнымъ и неграмотнымъ, платящимъ налоги и неплатящимъ; никому не даютъ меньше одного голоса, но никто и не получаетъ больше одного голоса,—одинъ человѣкъ—одинъ голосъ. Наконецъ, выборы происходятъ тайно или закрыто, чтобы не стѣснять трусливаго или зависимаго избирателя подавать голосъ такъ, какъ ему подскажетъ совѣсть. Конечно, избранные такимъ порядкомъ на основаніи всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, представители могутъ считаться истинными выразителями воли народа. Къ тому же, принимаются еще мѣры, чтобы и меньшинство могло имѣть своихъ представителей, въ томъ числѣ, въ какомъ ему по справедливости, по его численности, полагается.

Всякій законъ, принятый палатой представителей, вступаетъ еще на разсмотрѣніе другой палаты, соотвѣтствующей тому учрежденію, которое въ конституціонныхъ государствахъ называется палатой господъ или верхней палатой. Въ тѣхъ демократическихъ республикахъ, которыя составлены изъ разнообразныхъ частей, изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ, члены всего союза, какъ бы союзы эти ни были малы, имѣютъ свое особое государственное устройство, свои законодательныя собранія, своего главу—отдѣльнаго для каждаго государства. Такія республики называются федеративными, т. е. союзными. Въ этихъ республикахъ выборы въ нижнюю палату происходятъ описаннымъ выше порядкомъ, а въ верхнюю палату каждый членъ союза, каждый штатъ въ Америкѣ или каждый кантонъ въ Швейцаріи (Америка и Швейцарія—федеративныя республики: первая состоитъ изъ

45 штатовъ—отдѣльныхъ государствъ, вторая изъ 22. кантоновъ) посылаетъ по два представителя изъ своихъ самостоятельныхъ законодательныхъ собраній. Выходитъ, что члены верхней палаты избраны уже не прямо народомъ, а парламентомъ каждаго государства въ отдѣльности т. е. не непосредственными, а двухстепенными выборами. Это, конечно, умаляетъ значеніе второй палаты.

Въ 4 австралійскихъ республикахъ вторая палата избирается тѣмъ же порядкомъ, что и нижняя палата. Но демократія всего міра вообще пришла къ заключенію, что вторая палата совсѣмъ и не нужна. Въ самомъ дѣлѣ, вездѣ и всюду, какъ мы видѣли, вторыя палаты поставлены для того чтобы тормозить слишкомъ смѣлыя начинанія первыхъ. Потому-то онѣ и избираются особымъ порядкомъ, а чаще всего члены ея назначаются главой государства. Тамъ, гдѣ особымъ порядкомъ избираются или назначаются члены верхней палаты, палаты эти приносятъ вредъ интересамъ низшихъ классовъ, ставя палки въ колеса ихъ законодательной работы. А гдѣ выборы членовъ вторыхъ палатъ происходятъ тѣмъ же порядкомъ, что и выборы членовъ нижнихъ палатъ, тамъ, значитъ, дѣло сводится къ тому, что одни избранники народа въ одномъ количествѣ засѣдаютъ въ одномъ мѣстѣ, другіе въ другомъ числѣ въ другомъ мѣстѣ. Это уже теряетъ всякій смыслъ.

Вотъ почему демократія всего міра требуетъ, чтобы въ законодательномъ собраніи была всего одна палата; да оно такъ и разумнѣе! Надъ народной волей надсмотрщиковъ не требуется! Въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцарской республики почти всюду только одно законодательное собраніе, одна палата.

Принятый палатами законъ обыкновенно оглашается (опубликовывается) главой правительства, конечно, не коронованнымъ и не наслѣдственнымъ, а избраннымъ волей народа. Чаще всего этотъ глава правительства (президентъ) обязанъ безъ всякихъ

возраженій опубликовать велѣніе, ставшее закономъ волей народа. Въ Америкѣ президентъ имѣетъ право либо вернуть законъ въ парламентъ, указавъ, что именно по его мнѣнію, надо было бы исправить, либо отказаться отъ утвержденія закона. Тогда парламентъ вновь собирается и, если за законъ выскажется двѣ трети членовъ палаты, онъ все-таки вступаетъ въ силу.

Такимъ образомъ, на вопросъ: кто издаетъ законы въ демократической республикѣ? отвѣтъ долженъ быть данъ краткій: никто иной, какъ народъ, воля котораго единственный господинъ въ демократическомъ государствѣ!

Есть демократическія республики (Швейцарія), въ которыхъ наиважнѣйшіе законы, а именно основные законы, которыми измѣняется государственный порядокъ или конституція, обязательно должны быть предложены на всенародное голосованіе. А по желанію 30.000 гражданъ, признавшихъ необходимымъ издать тотъ или иной законъ, на народное голосованіе прямо ставится всякій такой законъ, и если за него выскажется большинство гражданъ, онъ входитъ въ силу. (ст. 89)

Такое прямое изданіе законовъ самимъ народомъ помимо парламента называется референдумомъ. Опытъ показалъ, что никакихъ волненій, никакихъ безпорядковъ референдумъ не вызываетъ. Все происходитъ безъ шума, при образцовомъ порядкѣ, какъ при обыкновенномъ голосованіи. Однако такой способъ изданія законовъ примѣнимъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и нельзя сказать, что можно и безъ парламента обойтись.

Въ четырехъ кантонахъ Швейцаріи законы издаются только такимъ путемъ. Дважды въ годъ все населеніе кантона сходится въ живописную долину подъ открытымъ небомъ и законодательствуетъ непосредственно. Правда, и кантоны эти совсѣмъ небольшіе! Для важнѣйшихъ законовъ опросъ всего народа однако необходимъ и вполнѣ примѣнимъ и въ большихъ государствахъ.

V. Кто наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ въ демократической республикѣ?

Законы пишутся, конечно, для того, чтобы ихъ исполняли. Положимъ, государство вводитъ новый налогъ. Но надо, чтобы кто-нибудь взималъ его, чтобы кто-нибудь наблюдалъ за его взиманіемъ: нужны, другими словами, исполнители закона. Во главѣ исполнительной власти въ демократической республикѣ стоитъ президентъ, избираемый самымъ различнымъ способомъ. Во всѣхъ современныхъ демократическихъ республикахъ президентъ избирается двухстепенными выборами. Въ Соединенныхъ Штатахъ все взрослое мужское населеніе каждаго штата избираетъ выборщиковъ, которые съѣзжаются вмѣстѣ для выборовъ президента. Во Франціи президентъ избирается въ соединенномъ засѣданіи верхней и нижней палаты—сената и палаты депутатовъ. Обѣ палаты сходятся вмѣстѣ и образуютъ такъ называемое Національное Собраніе. На голосованіе въ президенты можно поставить кого-угодно изъ французскихъ гражданъ, даже человѣка, не принадлежащаго къ числу членовъ верхней или нижней палаты. Только потомки тѣхъ семей, которыя когда-либо царствовали во Франціи, не могутъ быть поставлены на голосованіе въ президенты. Ихъ пуще огня боятся французы. Вотъ какую благодарную память эти семьи оставили по себѣ въ народѣ!

Избранныя въ президенты лица являются предсѣдателями исполнительныхъ комитетовъ, образуемыхъ кабинетомъ министровъ. Президенты въ Америкѣ имѣютъ наибольшую власть: они могутъ изъ какой угодно среды избирать себѣ министровъ. Формально для этого требуется одобреніе Сената (верхней палаты), но въ дѣйствительности Сенатъ никогда въ это дѣло не вмѣшивается. Каждый министръ отвѣчаетъ передъ президентомъ за свое вѣдомство.

Въ парламентъ министры не ходятъ, рѣчей тамъ не держатъ, такъ какъ законодательная власть не должна имѣть ничего общаго съ исполнительной. Во Франціи президентъ избираетъ перваго министра изъ среды той парламентской партіи, которая имѣетъ за собой большинство въ палатѣ. Зато въ противоположность американскому французскій президентъ можетъ быть смѣщенъ еще до истеченія срока его полномочій, если этого пожелаетъ значительное большинство членовъ законодательнаго собранія.

Далѣе, во Франціи министры отвѣчаютъ передъ самими палатами за свои вѣдомства. И если какой-нибудь чиновникъ, состоящій на службѣ въ какомъ-нибудь министерствѣ, совершилъ непристойный по должности поступокъ и если затѣмъ объясненіями министра палаты не удовлетворились,—министерству выражается недовѣріе, оно подаетъ въ отставку. Тутъ нечего валить вину на подчиненныхъ: если ты подобралъ неподходящихъ подчиненныхъ, значитъ опять таки твоя вина—выбирай съ разборомъ! Еще обязано министерство подать въ отставку, если предложенный имъ законопроектъ проваленъ парламентомъ: не угодило, значитъ, не разгадало воли народа! Однимъ словомъ, исполнительная власть во всемъ подчиняется законодательной!

Еще лучше организована исполнительная власть въ Швейцарской республикѣ. Тамъ президентъ избирается всего на одинъ годъ, между тѣмъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ президенты избираются на 7 лѣтъ. И до того боятся швейцарцы избаловать своего президента долговременной властью, что запрещаютъ выбирать одно и то же лицо президентомъ или вице-президентомъ 2 года подъ рядъ. Можно выбирать вторично гражданина на президентскую или вице-президентскую должность только черезъ годъ.

Но въ сущности власть у президента въ Швейцаріи ничтожная. Дѣло въ томъ, что министры избираются парламентомъ. Обѣ палаты швейцарскаго парламента

сходятся для выборовъ министерства вмѣстѣ и образуютъ Федеральное Собраніе. Это-то собраніе и выбираетъ изъ своей среды 7 лицъ, такъ называемый Федеральный Совѣтъ, составляющій какъ бы совѣтъ министровъ. Вся исполнительная власть въ Швейцарской республикѣ распредѣлена между семью вѣдомствами, и на долю каждаго изъ избранныхъ членовъ Федеральнаго Совѣта приходится одно вѣдомство или министерство: кому какое вѣдомство предоставить-этотъ вопросъ члены Федеральнаго Совѣта рѣшаютъ уже сами между собой. Конечно, при распредѣленіи портфелей примутся въ соображеніе и спеціальныя познанія каждаго члена въ отдѣльности, и прежнія его занятія, и опытъ, и склонности.

Весь кабинетъ министровъ или Федеральный Совѣтъ избирается парламентомъ на 3 года. Самъ Совѣтъ изъ своего состава избираетъ предсѣдателя на одинъ годъ. Этотъ предсѣдатель исполнительнаго комитета и является президентомъ Швейцарской республики, главой Швейцарскаго государства. Во всѣхъ публичныхъ торжествахъ, въ церемоніяхъ, передъ иностранными державами, имѣющими надобность обратиться къ республикѣ, этотъ предсѣдатель исполнительной комиссіи выступаетъ, какъ глава своего государства.

Но онъ имѣетъ ровно столько же власти, сколько и другіе его товарищи по Федеральному Совѣту, ничуть не больше и не меньше, и точно такимъ же образомъ, какъ и они, онъ отвѣтственъ передъ избравшимъ его парламентомъ. Вообще же, Федеральный Совѣтъ отвѣчаетъ за дѣйствія каждаго изъ своихъ членовъ: не только каждый министръ за себя, но еще и за своихъ товарищей. Каждому члену Совѣта, стало быть, предписывается не только свое дѣло дѣлать хорошо, но и за товарищемъ наблюдать. Въ этомъ смыслѣ, конечно, и президентъ Швейцарскаго правительства отвѣтственъ за все правительство, какъ и каждый членъ правительства отвѣтственъ и за себя и за

своихъ товарищей, въ томъ числѣ и за президента.

Съ другой стороны, взаимное уваженіе, существующее между законодательными собраніями и Федеральнымъ Совѣтомъ, видно уже изъ того, что всякіе законопроекты до обсужденія въ парламентѣ передаются предварительно на разсмотрѣніе Федеральнаго Совѣта. Затѣмъ интересно и то, что Федеральный Совѣтъ не обязанъ подавать въ отставку, если то или иное предложеніе его отвергнуто парламентомъ.

Члены Федеральнаго Совѣта во всемъ подчиняются указанію законодательныхъ собраній, а если ихъ предложеніе не принято, то они должны себя чувствовать не болѣе обиженными, чѣмъ служащій, указаніе котораго не принято въ соображеніе хозяиномъ. Не принялъ въ соображеніе—не надо: дѣло хозяйское!

Въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи преобладаетъ система, по которой исполнительная власть, какъ и законодательная, избирается народомъ. Въ тѣхъ четырехъ кантонахъ, гдѣ весь народъ непосредственно самъ законодательствуетъ, глава правительства, ландаманнъ, всѣ его коллеги, а также судьи, избираются непосредственно всѣмъ народомъ. Въ другихъ кантонахъ глава и члены правительства избираются всеобщимъ голосованіемъ всѣхъ мужчинъ, достигшихъ 20-ти лѣтъ.

VI. Какъ дѣйствуетъ судебная власть въ демократическихъ республикахъ?

Въ достаточной мѣрѣ выяснено уже, съ какой заботливостью демократическая республика разграничиваетъ кругъ вѣдомства законодательной и исполнительной власти и отдѣляетъ одну отъ другой непроницаемой стѣной. Судебная власть тоже должна быть отдѣлена возможно рѣзче и замѣтнѣе отъ осталь-

ныхъ властей: это не значитъ конечно, что она должна быть поставлена надъ народомъ или внѣ его! Разумѣется, и эта власть должна быть всецѣло учреждена и огранизована по волѣ единственнаго господина въ демократіяхъ всего міра, а именно воли народа.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки Верховный судъ имѣетъ право даже подвергать критикѣ законы, изданные конгрессомъ съ соблюденіемъ всѣхъ надлежащихъ формъ, и даже признать ихъ недѣйствительными и не подлежащими примѣненію. По жалобамъ частныхъ лицъ Верховный Судъ можетъ объявить тотъ или иной законъ противнымъ конституціи. Вотъ какой огромной властью надѣленъ судъ въ Америкѣ

Все это было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство, а именно: Верховный Судъ, какъ это ни странно для Соединенныхъ Штатовъ, состоитъ изъ лицъ, **назначаемыхъ** пожизненно президентомъ.

Кромѣ того, право судить принадлежитъ и верхней палатѣ—Сенату. А именно: если президентъ республики уличенъ въ государственной измѣнѣ, лихоимствѣ или другомъ важномъ преступленіи и палатой представителей принято рѣшеніе о преданіи президента суду,—судъ производится Сенатомъ.

Лучше гораздо обстоитъ дѣло въ Швейцарской республикѣ. Тамъ судъ надъ гражданами, а также разбирательство по дѣламъ, возникающимъ между гражданами, предоставляется самимъ кантонамъ. Общегосударственный (Федеральный) судъ обыкновенно имѣетъ опредѣленный кругъ судебныхъ дѣлъ въ своемъ завѣдываніи: большею частью это споры между кантонами или между отдѣльными общинами одного кантона или между отдѣльными лицами и кантонами или споры о правахъ гражданства частныхъ лицъ въ опредѣленной общинѣ; могутъ и любые споры по желанію сторонъ быть представлены на рѣшеніе Федеральнаго Суда только, если рѣчь идетъ о такомъ предметѣ, по которому общешвейцарскій парламентъ имѣетъ право законодательствовать.

Швейцарскій Федеральный Судъ состоитъ изъ лицъ, избранныхъ, подобно швейцарскимъ министрамъ, Союзнымъ Собраніемъ, т.е. соединеннымъ засѣданіемъ нижней и верхней палаты швейцарскихъ народныхъ представителей. При выборѣ необходимо только обратить вниманіе на то, чтобы среди членовъ Федеральнаго Суда были лица, знающія всѣ три національныхъ языка; необходимо выбрать часть членовъ, владѣющихъ нѣмецкимъ, часть—французскимъ, а часть —итальянскимъ языкомъ.

Чтобы оградить безпристрастность Федеральнаго Суда, статья 108 Швейцарской конституціи постановляетъ: „Членомъ Федеральнаго суда можетъ быть назначенъ всякій швейцарскій гражданинъ, имѣющій право быть избраннымъ въ Національный Совѣтъ (нижнюю палату депутатовъ швейцарскаго народа; въ члены Національнаго Совѣта можетъ быть избранъ всякій имѣющій право голоса швейцарскій гражданинъ, только не духовнаго званія). Члены Союзнаго Собранія и Союзнаго Совѣта (обѣихъ палатъ), а также назначенныя этими учрежденіями должностныя лица не могутъ быть одновременно членами Федеральнаго суда. Члены Федеральнаго суда не должны занимать никакой другой должности ни въ Союзѣ, ни въ кантонахъ; не должны заниматься какой-либо другой профессіей или промысломъ.

Если Федеральному суду приходится разбирать уголовныя дѣла, къ нему присоединяются присяжные засѣдатели (жюри). Федеральный судъ имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Лозаннѣ.

Что касается отдѣльныхъ кантоновъ, то тамъ члены кантональнаго суда въ большинствѣ случаевъ избираются самимъ народомъ. Въ тѣхъ четырехъ Швейцарскихъ кантонахъ, гдѣ народъ самъ законодательствуетъ на мірскихъ сходахъ „выборъ.. должностныхъ лицъ и судей происходитъ... путемъ поднятія рукъ. Эскортъ изъ барабанщиковъ, флейтистовъ и аллебардистовъ подходитъ къ той части собранія, гдѣ

стоитъ избранный, и затѣмъ провожаетъ его къ эстрадѣ, гдѣ его встрѣчаютъ съ объятіями ландаманнъ (выборный глава правительства въ кантонѣ) и его коллеги" (Описаніе Э. Фландена. Цитировано по труду П. Г. Мижуева: „Главныя федераціи современнаго міра").

Если прибавить ко всему сказанному, что ни одно уголовное дѣло не разбирается безъ суда или участія присяжныхъ засѣдателей, что присяжные засѣдатели избираются не только изъ среды состоятельныхъ классовъ или чиновныхъ круговъ, какъ у насъ въ настоящее время въ Россіи, а изъ среды простого народа, то можно будетъ смѣло сдѣлать слѣдующее заключеніе.

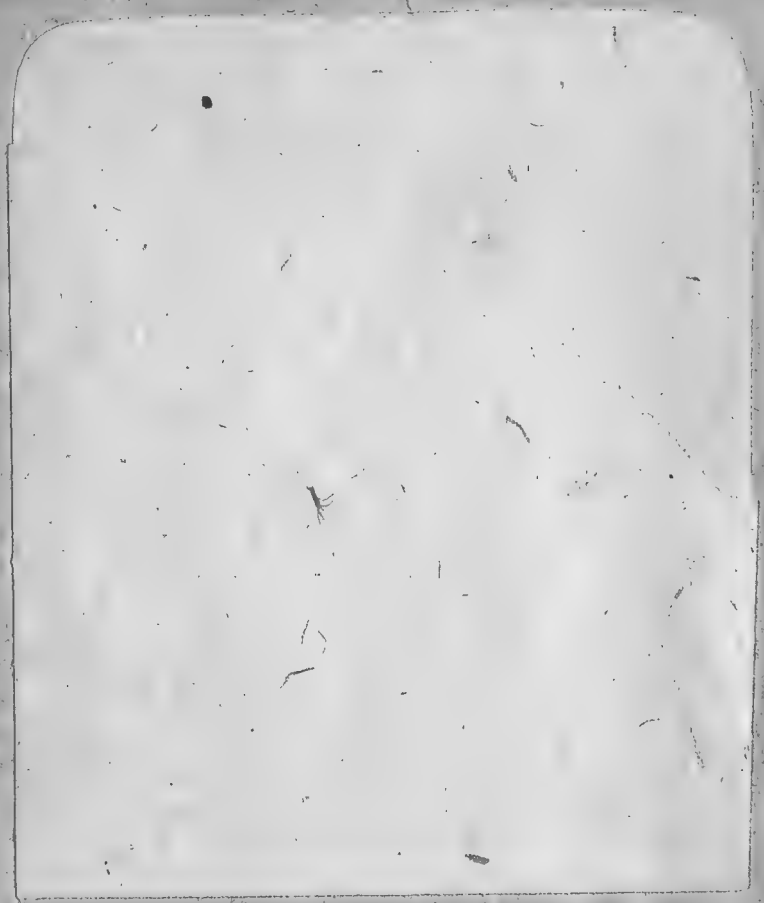
Всякій швейцарскій гражданинъ, впавшій въ преступленіе или инымъ образомъ нарушившій законъ или волю своего родного народа, можетъ быть увѣренъ что надъ нимъ будетъ произведенъ безпристрастный и нелицепріятный судъ народомъ, велѣніе котораго онъ преступилъ. Стало быть, и судебная власть, подобно власти законодательной и исполнительной, имѣетъ своимъ источникомъ авторитетъ народа, воля котораго одна только можетъ творить законъ въ демократической республикѣ.

Само собою разумѣется, что и въ вопросахъ **мѣстнаго самоуправленія** въ вопросахъ хозяйственныхъ населеніе имѣетъ полный просторъ: ему предоставляется заводить школы, больницы, общественныя бани, не ожидая разрѣшенія изъ столицы. Народу не приходится ждать, пока столичный чиновникъ пріѣдетъ и укажетъ, что мостовыя плохи или дороги нуждаются въ исправленіи. Это все предоставляется мѣстному обществу: ему виднѣе. Лучше ли такъ? Объ этомъ говоритъ благосостояніе мѣстнаго населенія въ демократическихъ республикахъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ и тѣ удобства, ради которыхъ наши богачи съ такимъ удовольствіемъ ѣдутъ въ Швейцарію, оставляя безъ вниманія такіе чудные и здоровые углы, какъ нашъ Крымъ или нашъ Кавказъ. Въ малѣйшей деревушкѣ,

въ каждомъ хуторкѣ есть свой телефонъ, свое почтово-телеграфное отдѣленіе, своя школа, своя баня, своя библіотека.

Во главѣ мѣстнаго самоуправленія вездѣ стоятъ выбранные населеніемъ мѣстные совѣты, нѣчто вродѣ нашихъ земскихъ или городскихъ управъ. Но выбираются эти совѣты не только изъ однихъ домовладѣльцевъ, а изъ всего населенія на основаніи **всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго** голосованія. Такимъ совѣтамъ близки не одни только домовладѣльческіе интересы, а интересы самыхъ широкихъ массъ населенія.

Вотъ почему можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что въ демократической республикѣ жизнь полнѣе и милѣе, всѣмъ и каждому тамъ дышится легче и вольнѣе!



Изданіе книжнаго магазина
ОБРАЗОВАНІЕ Л. М. МАЗОРА.
Кіевъ, Александровская № 38.

Печатаются слѣдующія книги:

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА. (отъ самодержавія къ народовластію.) . ц. **20** к.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ . . ц. **20** к.

ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО.
(всеобщая, равная, прямая и тайная подача голосовъ). . . . ц. **20** к.

КЪ ЧЕМУ СТРЕМЯТСЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТЫ. ц. **20** к.

СЛОВАРЬ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СЛОВЪ. ц. **30** к.

Готовятся къ печати рядъ книжекъ по важнѣйшимъ вопросамъ политической жизни ОБНОВЛЕННОЙ РОССІИ: о женскомъ движеніи, объ охранѣ труда, профессіональномъ и рабочемъ движеніи, о мѣстномъ самоуправленіи, о національномъ вопросѣ, объ аграрномъ и рядѣ др.

Цѣна 20 коп.